

Ф. ДАРЛИНГТОН. ЗООГЕОГРАФИЯ. (географическое распространение животных)

Перевод с англ. М. М. Мержеевской и К. П. Филонова. Предисловие и редакция Н. А. Гладкова. Изд-во «Прогресс», М., 1966, 520 с., 77 илл., ц. 3 р. 48 к.

Книга представляет собой сокращенный, а местами и слегка переработанный перевод английского оригинала «Zoogeography, P. F. Darlington», вышедшего в Нью-Йорке в 1957 г. После краткого «Предисловия редактора», в котором Н. А. Гладков характеризует и достоинства, и некоторые недостатки книги, побудившие его внести в текст ряд изменений, о чем я скажу ниже, следует «Предисловие» и обширное «Введение» самого автора. Автор открыто признается, что он, собственно — энтомолог-колеоптеролог, притом, «по счастью — систематик», что совершенно необходимо для зоогеографа. Книгу свою он задумал давно и работал над ней двадцать лет.

Дарлингтон характеризует свою книгу как «географическую^{*}, а не экологическую зоогеографию». Он рассматривает географическое распространение только позвоночных животных — сухопутных и пресноводных. Дав краткий очерк предмета зоогеографии и связи ее с фитогеографией, автор первые шесть глав посвящает фактам и закономерностям распространения представителей каждого класса позвоночных, начиная с пресноводных рыб и кончая млекопитающими. Схема изложения такова: **границы распространения, зональное, радиальное и региональное распространение; переселение и преграды распространению, доминирование и конкуренция в связи с распространением, особенности распространения, история расселения.**

В заключение для каждого класса дается **полный список семейств**, а иногда и наиболее интересных родов и видов с их распространением и, наконец, список главнейшей литературы. Поскольку эти шесть глав занимают 342 из общих 518 страниц книги, в то время как характеристике фауны пяти зоогеографических областей посвящена лишь одна краткая седьмая глава (56 страниц), можно считать, что книга представляет собой, по терминологии А. Уоллеса, не **зоологическую географию**, а **географическую зоологию**.

Дарлингтон заканчивает «Введение» провозглашением «принципов», которым он старался следовать; из них главнейшие: **по возможности работать с фактами, а не с мнениями и уметь понять природу этих фактов. Никогда не отстаивать ошибочное мнение слишком упорно. Делать догадки умело — они должны быть осторожным изложением предположений и вероятностей, а не просто полетом фантазии и навязчивыми идеями, отстаиваемыми без достаточных оснований.**

Дальнейшее покажет, насколько ему удалось удержаться на высоте изложенных бесспорных принципов.

Начиная главу 2, автор сознается, что ни одна часть книги не стоила ему столько усилий, что из всех основных классов позвоночных только в отношении **рыб** он не может претендовать на сколько-нибудь основательное изучение их в природе, и ему пришлось немало поработать, чтобы знакомством со специальной литературой восполнить этот серьезный пробел. Основными пособиями при разработке главы были популярная книга Ромера (Romer, 1945) «Палеонтология позвоночных», а также статья Тэт Ригэна «Cyclostomata, Selachians, Fisches» в 14-м издании «Encyclopaedia Britannica», хотя в отдельных случаях пришлось прибегать также к классификации Берга (Berg, 1932 — Übersicht der Verbreitung der Süsswasserfische Europas). Кстати, Л. С. Берг был **единственным** русским автором, работы которого (помимо вышеуказанной и английского перевода книги «Ландшафтные зоны СССР») были знакомы автору. Для выполнения своих задач автор, отбрасывая не представляющих для него интереса круглоротых и хрящевых рыб, подразделяет остальных рыб на **некостистых и костистых**, а последних на **некарпообразных и карпообразных (Ostariophysi)**. Особое значение придает он заимствованному у Мейерса (Myers, 1931) подразделению рыб по степени и соленостойкости: **первый отдел (primary division)** — это рыбы, приуроченные только к пресной воде, **второй отдел** — рыбы, которые живут преимущественно в пресной воде, но обладают незначительной соленостойкостью, **третий, или «периферический», отдел** — термин Николса (Nichols, 1928) — это пресноводные рыбы, обладающие высокой соленостойкостью (всякому ясно, что эти три подразделения соответствуют нашему общепринятому делению на рыб строго пресноводных, полупроход-

* Выделение слов в тексте сделано рецензентом (ред.).

ных и проходных). Дарлингтон особенно интересуется степенью соленосливости рыб (а также земноводных), в первую очередь потому, что, явно переоценивая соленосливость известных видов, он стремится показать, каким образом они могли, преодолевая широкие морские пространства, заселять «океанические» и «периферийные» острова, подавляющее большинство которых, по его глубокому убеждению, никогда не было соединено с материками. Отмечая, что современные представители семейства Galaxiidae живут в пресных водах Южной Африки и других материков южного полушария, автор объявляет их в целом соленосливыми и предполагает, что они распространились через моря, отмечая, однако, что некоторые специалисты этого не допускают (Stokler, 1945). Как известно, семейство Galaxiidae еще со времен Дарвина было камнем преткновения для всех ученых, старавшихся объяснить распространение пресноводных рыб на основании современной конфигурации материков. Распространением через море объясняет Дарлингтон и возникновение пресноводной ихтиофауны Мадагаскара, который он рассматривает в общем как океанический остров, и Филиппин, и Австралии. Исключения составляют лишь костеязычные (Osteoglossidae) и цератод (Ceratodus), вопрос о способе проникновения которых в Австралию автор оставляет открытым. Нарисованная им весьма сложная и путанная картина истории расселения пресноводных рыб в общем сводится к схеме, принимаемой им и для всех сухопутных позвоночных: фауна пресноводных рыб сформировалась в тропиках Старого Света — точнее, в Индо-Малайской области, откуда она в палеогене и неогене диффундировала, с одной стороны, в Африку, с другой — через Берингов Мост в Америку, причем карпообразные не проникли дальше Центральной Америки. Систематический список строго пресноводных и ограниченно соленосливых рыб содержит два трудно объяснимых ляпсуса, свидетельствующих о малой осведомленности автора в области ихтиологии. Так, современные круглоротые, по Дарлингтону, — это **отряд Cyclostomata класса рыб**, подразделяющийся на два **подотряда** — миксин и миног. Для систематика, каким рекомендует себя автор, это ошибка большая, чем считать земноводных и пресмыкающихся двумя подотрядами **отряда Gnathostomata (челюстных)**. И далее: многоперы (Polypterini) оказываются лишь отрядом надотряда **хрящевых ганоидов (Chondrostei)**, иначе говоря — **осетровых!** Интересно отметить, что в главе 7 (с. 358) многоперы уже фигурируют как **отряд архаических кистеперых**, каковыми они действительно не без основания считались до недавнего времени.

Глава 3, в которой рассматривается распространение земноводных, имеет особое значение для выявления основных теоретических позиций автора, его «рабочих принципов» и для иллюстрации того, насколько строго он придерживался изложенных им в «Предисловии» принципов. Только что, сознавшись в своей некомпетентности в области герпетологии, Дарлингтон-энтомолог берет на себя смелость реформировать общепринятую номенклатуру земноводных, называя всех без исключения **бесхвостых земноводных** просто **лягушками (frogs)**, а всех хвостатых — **саламандрами!** На недопустимость такого упрощенчества обратил внимание и весьма либеральный редактор книги Н. А. Гладков. Не будучи специалистом, Дарлингтон тем не менее высказал весьма оригинальную мысль, что «лягушки произошли от земноводных, у которых уже имелись ребра и хвост» (с. 130). Он проявляет особый интерес к «лягушкам» в первую очередь потому, что современное географическое распространение их трудно совместимо с основной «навязчивой идеей» об отсутствии в прошлом каких-либо мостов суши (кроме Берингова, да и то с оговорками) — с догматом «неизменяемости лика земли». Следовательно, если на каких-либо островах есть земноводные, то они, подобно пресноводным рыбам, должны были туда **приплыть**. Поэтому автор объявляет земноводных «ограниченно соленосливыми» и обрушивается на инакомыслящих, в том числе на Ч. Дарвина («Происхождение видов») и А. Уоллеса, которые тоже считали, что «на всех земноводных контакт с соленой водой оказывает немедленное губительное воздействие... Опыты, проведенные с этой целью, — объявляет Дарлингтон — не дадут окончательных результатов. Расселялись ли земноводные, пересекая соленые воды, или нет, скорее покажет их распространение, чем результаты лабораторных исследований» (с. 116—119). Возможно, что автор намекал при этом на общеизвестные тщательные опыты Дарвина, который, выдерживая в морской воде по две недели сухопутного моллюска *Helix pomatia*, находил его невредимым. Это дало ему право заключить, что моллюск, присосавшись к стволу плавника, мог бы быть перенесен течением средней силы на 660 географических миль (см. «Происхождение видов», гл. XIII). Поистине **непроходима** пропасть, разделяющая «рабочие принципы» Дарвина и Дарлингтона!

Другие способы распространения «лягушек» — это «интродукция» их папуасами, жителями Соломоновых и других островов Тихого океана «с целью регулирования численности вредных насекомых» (с. 118), наконец, перевозка мелких «лягушек» «детьми всех народов».

В общем во всех случаях, когда земноводные появляются в самых неожиданных местах, «следует предполагать вмешательство человека». Безногих земноводных и «саламандр» автор объявляет архаическими формами, почти полностью приуроченными «к основной тропической зоне материков и соответственно к умеренной зоне северного полушария» (с. 142). В подобной общей формулировке — двойная ошибка: безногих зем-

новодных, как известно, нет в умеренных зонах обоих полушарий, хвостатых почти нет в тропической зоне.

Проанализировав общие вопросы распространения земноводных, Дарлингтон с удовлетворением замечает, что его «предположительная история расселения объясняет распространение существующих земноводных без удивительных материковых мостов или перемещающихся материков» (с. 144).

В списке семейств земноводных для зоогеографа интересна ссылка на указания Нобля (Noble, 1926) о том, что нахождение американского рода *Ambystoma* в Юго-Восточной Азии (Таиланд) оказалось ошибочным. Верный своей схеме Дарлингтон, не смущаясь неистощимым разнообразием древесных квакш в Южной Америке (где их описано свыше 350 видов), считает, что их «первичная радиация» все же произошла в тропиках Старого Света, откуда они — конечно, через Берингов мост — «продиффундировали» в Неоарктику и Неотропику.

Глава 4, где говорится о распространении пресмыкающихся, — пожалуй наименее содержательна, хотя и в ней зоолог и зоогеограф могут найти свежие данные по систематике. Но, конечно, автор всячески старается объяснить, каким образом некоторые пресмыкающиеся смогли, преодолевая пространства соленой воды, попасть на острова Полинезии. Так, он считает, что червеобразных слепозмеек (*Typhlopidae*), ведущих подземный образ жизни, человек развез по островам Полинезии в цветочных горшках! Очень ядовитую яркоголовую змею *Bothrops atrox*, по мнению Дарлингтона, тоже «интродуцировали» на Антильские острова. Говоря о закономерности распространения некоторых ящериц, автор договаривается до того, что приписывает ему **зональный** характер, но только не в **широтном** направлении, что на земном шаре свойственно и климату, и растительности, и животному миру в целом, а в **меридиональном!** (?). Описывая новозеландскую **гаттерию**, автор отмечает, что она хорошо плавает, но справедливо заключает, что если она смогла достичь Новой Зеландии, то это менее удивительно, чем то, что ее достигла лягушка.

Приступая в главе 5 к вопросу о **распространении птиц**, Дарлингтон признается, что они ему известны лучше всех позвоночных. Поэтому данная глава составлена неплохо и не вызывает больших возражений. Анализируя перелеты птиц, автор сообщает много интересных, малоизвестных у нас данных о перелетах в тропических странах — в Африке, Индонезии, а также на севере Неоарктики. Однако он почему-то игнорирует теорию **происхождения** пролетных путей, повторяющих историю расселения вида. Трудно себе представить, чтобы в Америке ничего не знали о почти одновременном обосновании этой теории в Европе еще в конце XIX ст. Пальменом, Мензбиром, Зибомом! Объявляя на с. 212 **дискредитированным** старый взгляд, согласно которому миграции северных птиц — это явление, вызванное влиянием ледникового периода, автор уже на с. 216 вынужден признать, что «плейстоцен, вероятно, увеличил и число северных перелетных птиц, и расстояние, на которое они мигрировали».

Список семейств птиц, составленный по работам Майра (Mayr, 1946) и Амадона (Amadon, 1951), Питерса (Peters, 1931—1951) и Уэтмора (Wetmore, 1951), представляет особую ценность для советского читателя. Однако и он нуждается в поправке. В списке правильно сказано, что на островах Реюньон, Маврикий и Родригес 200 лет тому еще жили вымершие ныне птицы «додо», принадлежавшие к двум родам и трем видам (по одному на каждом острове). Но на с. 440 мы читаем, что на о. Маврикия жил додо (*Pezophaps cucullatus* L.), на о. Реюньон жил «пустынный» (*Raphus solitarius*) и на о. Родригес — «белый додо». Здесь — очевидное недоразумение! «Белый додо», по свидетельству старожилов, действительно жил еще недавно на о. Бурбон, но поскольку не сохранилось ни его описания, сделанного натуралистом, ни ископаемых остатков, то данное ему научное наименование — *Ornithoptera solitaria* Selys (Нашивка, 1953) — не может войти в научную терминологию. Настоящий же «пустынный», или солитариус (*Pezophaps solitarius* Gmelin), как известно, вымер в XVII ст. на о. Родригес. Если произошедшее недоразумение основано на данных работы Хэтчинсона (Hutchinson, 1954), которыми пользовался автор, то вина падает на первого (см. Stresemann, 1958. *Wie hat die Dronte (Raphus cucullatus L.) ausgesehen?* — J. Ornithol., 99, H. 4; Berlioz., 1946. *Oiseaux de la Reunion*. Paris).

Глава 6, посвященная млекопитающим, вызывает гораздо больше возражений. В основу ее изложения положены труды Симпсона (Simpson, 1940, 1945, 1947), Скотта (Skott, 1937) и Ромера (Romer, 1945), взгляды которых, неприемлемые для советских ученых, Дарлингтон разделяет. Большинство промахов принадлежит, однако, самому Дарлингтону. Неверно, что препятствием для распространения млекопитающих являются только «соленые воды». Низовья таких рек, как Днепр и Волга, слишком хорошо известны в качестве «импедитных» препятствий для распространения грызунов, особенно зимне-спящих. Едва ли кого-нибудь убедит утверждение автора, что предки «хозячиных» с островов Галапагос пересекли более 600 миль соленых вод, чтобы приплыть из Америки, подобно африканским дикобразоподобным грызунам, которые, по его мнению, «на плоту» форсировали Атлантику, направляясь в Америку.

Вполне естественно, что Дарлингтон приветствует уверенность Симпсона и Ромера в том, что поразительное сходство палеогеновых и неогеновых хищных сумчатых

Южной Америки *Voghyaenidae*) и современных шерстохвостов (*Dasyuridae*) Австралии развилось **конвергентно** у потомков примитивных *Didelphida*, переселившихся из Евразии в Южное полушарие, а отнюдь не является доказательством переселения их в Австралию из Южной Америки через континентальную связь.

Совершенно **непонятно** звучит утверждение автора (с. 274), будто «Австралии, которая является древним островом-материком, достигли только **один вид однопроходных и один вид сумчатых**» (?). Что касается **однопроходных**, то Дарлингтон как в рассматриваемой главе, так и в последующих высказывает предположение, что они «не столь уж древни и являются, возможно, **вырождающимися** (хотя и морфологически специализованными) потомками примитивных сумчатых» (с. 272). Если это так, то, очевидно, у утконоса при его вырождении исчезли соски, восстановилась клоака и возник «утиный» клюв как приспособление к подводной охоте.

Разумеется, в **списке семейств млекопитающих** специалист найдет много нового и интересного, хотя присущее американским териологам «сплиттерство», т. е. раздробление близких форм на бесконечное число видов отнюдь не в моде у советских териологов, которые, например, давно уже объединили типичных медведей Голарктики, включая американского гризли, в один вид — *Ursus arctos*, в то время как в списке Дарлингтона камчатский медведь фигурирует как *U. middendorfi*, а страшный гризли — как *U. horribilis*. Надо, впрочем, отдать должное Дарлингтону: он и сам протестует против подобного сплиттерства.

Наконец, советские териологи все же более, чем заокеанские, компетентны в вопросе о вымерших или вымирающих предках домашней лошади и едва ли согласятся с утверждением автора, что «до сих пор еще не известно, где именно в Евразии за последнее время встречались несмешанные дикие лошади» (с. 335).

Покончив с «географической зоологией», Дарлингтон, наконец, переходит в главе 7 к «зоогеографии». Глава названа: «Особенности распространения животных на материках и фаунистические области». В начале главы автор формулирует вывод из предшествующих глав: «**Современные позвоночные расселились в результате самостоятельных перемещений на земном шаре (который и во время этих расселений мало чем отличался от современного), а не посредством перемещающихся материков или сухопутных мостов**» (с. 347). Сложную проблему возникновения разорванности ареалов он до предела упрощает, считая, что все случаи их разрыва являются следствием расселения животных из тропиков Старого Света через север с последующим вымиранием их там. Исключение составляют случаи переселения через море (например, разрыв ареалов видов между Африкой и Мадагаскаром).

Далее Дарлингтон переходит к характеристике принимаемых им шести фаунистических областей, выделяемых на основании распространения лишь современных животных. Автор соглашается и с заменой склэтеровского наименования «Индийская область» уоллесовским названием «Восточная», которое, может быть, приемлемо с точки зрения англичанина, но никак не японца, поэтому в русском издании, которым и мы, рецензируя книгу, вынуждены пользоваться, оно заменено названием «Индо-Малайская». Признавая принципиальную целесообразность установившегося после Лейдеккера (*Lydekker*, 1896) объединения областей со сходными фаунами в единицы более крупного порядка — царства Арктогея, Неогей и Нотогея. Дарлингтон проводит чрезвычайно логичную замену термина Арктогея (области Палеоарктическая, Неоарктическая, Эфиопская и Индо-Малайская) термином **Мегагея**. И надо отдать автору справедливость — термин Мегагея во всех отношениях более целесообразен.

Гейльприновского (*Heilprin*, 1887) объединения Палеоарктической и Неоарктической областей в Голарктическую автор не придерживается, но считает, что их, как и животных, обитающих в этих областях, можно называть голарктическими.

Описания фаунистических областей автор начинает с Эфиопской области (вполне логично — без Мадагаскара!), но делает это чрезвычайно поверхностно и немногословно, как и в случаях описания других областей. Совершенно правильно подчеркивая большую близость фаун Эфиопской и соседней с ней Индо-Малайской областей, автор целиком отказывается от «чисто формального», по его словам, подразделения фауны Африки на три уоллесовские подобласти — Западноафриканскую, Восточноафриканскую и Южноафриканскую (Капскую). При этом он забывает, что наиболее близка к Индо-Малайской области именно покрытая экваториальным лесом Западноафриканская область, в то время как Южноафриканская стоит особняком хотя бы потому, что значительная ее часть находится за пределами тропиков.

Таким же точно образом Дарлингтон поступает и с Индо-Малайской (в оригинале — Восточной) областью, не признавая формально уоллесовского подразделения ее на четыре подобласти — Индийскую, Цейлонскую, Индо-Китайскую, Малайскую, куда включает все континентальные острова Зондского архипелага — но не Филиппины, которые приберегает для своей категории **островов периферийного типа**.

Но нигде принципиальное игнорирование подобластей не приводит к таким ошибкам, как при характеристике огромной, чрезвычайно разнообразной по климату, растительности и рельефу Палеоарктической области. Где же тут обещанная в предисловии «**географическая зоогеография**? Характеризуя фауну Палеоарктики автор говорит

(с. 368), что это «фауна переходная, представляющая сложное смешение тропических групп Старого Света и североамериканских групп!» (?) По его мнению, выделенные Уоллесом Европейская и Сибирская подобласти выражены нечетко, а Средиземная (Mediterranean; в переведенной книге — Средиземноморская) и Маньчжурская подобласти «не заслуживают признания»; а ведь несколькими строками выше автор признал фауну Китая самой богатой в Палеоарктике! Вот к чему приводит полное незнание автора с работами европейских, особенно русских, зоогеографов во главе с одним из основателей эволюционной зоогеографии — Н. А. Северцовым (1877), который пораженный богатством и оригинальностью фауны Гималаев, Китая, Японии, Приамурья, как известно, возвел их в ранг самостоятельной Гималайско-Китайской области (Regio Aemodo-Serica), равнозначной по рангу всей остальной Палеоарктике. Другой крупный русский зоогеограф — А. П. Семенов-Тяньшанский, признав сначала деление Северцова, понизил потом в ранге Гималайско-Китайскую область, однако выделял ее как **палеоархе-арктическую подобласть**, учитывая при этом, что субтропическая фауна этой подобласти явилась **материнской** фауной для значительной части остальной Палеоарктики и даже Неоарктики. Сохранились, как известно, названия подобласти: на Западе — данная Уоллесом — Маньчжурская, а у нас — данная Н. А. Северцовым — Гималайско-Китайская.

Естественно, что при характеристике видов родной для него **Неоарктики**, Дарлингтон не проявляет такой неосведомленности, как в случае с Палеоарктикой. Он вполне правильно характеризует фауну Неоарктики как сложившуюся в результате смешения **палеоарктических** (чему же верить?) и неотропических групп с небольшим числом важных неарктических (т. е. туземных). Вопреки обыкновению, автор слегка касается растительного покрова Неоарктики и даже снисходит до признания уоллесовских подобластей, которые «более или менее соответствуют разным климатическим и растительным зонам, и их фауны в какой-то степени различны» (с. 372).

К **неотропической области** он относит фауну Южной и Центральной Америки и с большими оговорками — Вост-Индию. Выделенные Уоллесом три подобласти «в данной работе **официально** не признаются» (с. 375).

Фауна пресноводных рыб характеризуется как исключительно богатая и в ней даже признаются африканские связи. Несмотря на свою любовь к орнитологии, автор ничего конкретного не сообщает о фауне птиц Неотропики, он только отмечает ее чрезвычайное богатство и своеобразие, поскольку почти половина семейств являются эндемичными, но за подробностями отсылает в раздел «Географической зоологии», к главе 5.

Пожалуй, наиболее оригинальным высказыванием Дарлингтона в отношении неотропической области является то, что «ее северная граница является южной границей Неоарктики» (с. 375).

К **Австралийской области** автор относит Австралию, Новую Гвинею, Тасманию и некоторые более мелкие острова, имеющие обедненную материковую фауну; северо-западная граница области — это «Зона Уоллеса». Напомнив о наличии эндемического подкласса однопроходных, шести эндемичных семейств сумчатых и разнообразных грызунов из семейства Muridae, автор за подробностями опять-таки отсылает к главе 7, посвященной млекопитающим.

Не отрицая родственных отношений некоторых «лягушек», черепах и сумчатых с неотропическими, Дарлингтон оговаривается (с. 377), что их географическая разобщенность — «в большинстве случаев это, очевидно, **результат отступления** или вымирания животных на основной части земного шара» (??). Но «у строго пресноводных рыб, наземных пресмыкающихся и птиц, по-видимому, особых связей между Австралией и Южной Америкой не наблюдается».

Сведя, таким образом, до минимума характеристику самих зоогеографических областей (57 страниц), автор непропорциональное внимание (20 страниц) уделяет мало-оригинальным рассуждениям о **зонах, переходных между зонами с региональными фаунами**; о центральноамериканской зоне переходной между Неоарктикой и Неотропикой, и особенно о «Зоне Уоллеса» (удачный термин, введенный Дикерсоном в 1928 г.) — зоне смешения Индо-Малайской и Австралийской фаун. Для зоогеографа представляют интерес некоторые малоизвестные факты, заимствованные автором из новой литературы, например, находка на о. Сулавеси (Nooijeg, 1951) карликового ископаемого слона.

Пожалуй, наибольшее число возражений вызывает чрезвычайно растянутая (60 страниц) глава 8, посвященная **особенностям распространения животных на островах**. Здесь чрезвычайно выпукло проявляются основные недостатки Дарлингтона как ученого — безоглядная одержимость «навязчивой идеей», ничем не оправданная самоуверенность при **полной** неосведомленности в вопросах геологии. Введением к содержанию всей главы служит вступительное поучение (с. 399): «**геологи сомневаются или расходятся по вопросу истории возникновения некоторых островов, и в ряде случаев им свойственны очень серьезные заблуждения. Зоогеографам следует пользоваться геологическими данными с осторожностью и для разрешения вопросов природы и истории островных фаун прежде всего опираться на зоологические доказательства**». Этот же благой «завет» начинающим зоогеографам — **завет игнорирования геологии** Дарлингтон не устает повторять в разных комбинациях на протяжении всех последующих глав,

Далее он «реформирует» на свой лад установившееся со времен Дарвина и Уоллеса подразделение островов на материковые (континентальные) и океанические. Не отрицая существования первых, автор сводит их количество до 13. Он справедливо указывает на хорошо известные затруднения в определении настоящих океанических островов, фауна которых сформировалась в результате пассивного заноса и активного переселения животных через моря. Однако он еще усугубляет трудности, вводя категорию «периферических», почему-то сплошь тропических архипелагов (Филиппинские, острова Западной части Тихого океана, Вест-Индские) и категорию «прочих островов», разбросанных по всему земному шару, от Сулавеси через Мадагаскар до ...Антарктики! Из дальнейшего, чрезвычайно путанного изложения явствует, что «периферические» и «прочие» острова объединяет то, что некоторые из них расположены в ближайшем соседстве с материками и считаются геологами остатками погружившихся окраин таковых, но Дарлингтон как зоогеограф не признает этого и убежден, что фауна их сформировалась таким же путем, как и на настоящих океанических островах, т. е. млекопитающие переправились «на плотках», а земноводные и пресноводные рыбы — вплавь через морские проливы. Поэтому он считает, что, ставя вопрос о происхождении фауны островов, «видимо, лучше всего не принимать в расчет геологию» (с. 429).

И автор уже не знает удержу своей фантазии! Не оспаривая наличия на Сулавеси довольно богатой фауны млекопитающих — обезьян, буйвола, бабирусы, енота, долгопята, многочисленных лягушек, он утверждает, что по крайней мере некоторые из последних были «интродуцированы», а наиболее крупные млекопитающие, включая ископаемого слона, в течение плейстоцена пересекли вплавь 25-мильную преграду, образованную Макассарским проливом — следовательно, переселились с континентального острова Калимантан (Борнео).

Нет никакого смысла давать дальнейшие примеры фантастических измышлений автора! Если и есть что-либо ценное в главе об островных фаунах, так это, конечно, не рассуждения автора, а малоизвестные факты распространения отдельных видов, особенно на островах Вест-Индии, Западной Полинезии и даже на Британских островах. Зато анекдотической по своей необоснованности и надуманности является помещенная в конце главы таблица сравнительной ширины морских преград, какие могут преодолевать отдельные категории животных: строго пресноводные рыбы — не более нескольких миль; крупные млекопитающие — 25 миль; мелкие млекопитающие, кроме грызунов, — 200 миль; грызуны — 600 миль (заселили Галапагос!); земноводные — 500 миль (достигли Сейшельских островов!) или даже 1000 миль (Новая Зеландия); пресноводные черепахи — 200 миль; сухопутные черепахи и змеи — 600 миль (опять-таки Галапагос!); ящерицы — 1000 миль (гаттерия).

Глава 9, где говорится об изменении распространения животных и значении площади, климата и эволюции, по сути дела, не содержит ничего нового, а представляет собой бесконечное пережевывание основных «пунктиков»; иногда автор прибегает к поддержке своих учителей, прежде всего — Мэтью (Matthew, 1915—1939), работа которого «Climate and Evolution», по его мнению (с. 467), сыграла большую роль, показав, «что для объяснения распространения позвоночных не требуется прибегать к теории каких-либо великих изменений в географии земного шара или теории возведения особых сухопутных мостов» — словом, поставила зоогеографию «на научную основу». Это не мешает самонадеянному ученику полемизировать со своим учителем и ополчаться на одно из положений его книги, считаемой другим учеником Мэтью — Карлом Шмидтом из Чикаго (Schmidt, 1955, «Animal Geography») своего рода «священным писанием». Согласно Мэтью, основным центром эволюции была умеренная зона северного полушария, по Дарлингтону же, таким центром были тропики северного полушария.

Как и можно было предполагать, написание последней (в русском издании!) главы 10 — «Прошлое в свете зоогеографии» — было явно не по силам автору, не имеющему сколько-нибудь серьезной геологической подготовки и к тому же с самого начала относящегося крайне скептически (чтобы не сказать враждебно) к мнениям специалистов-геологов. Содержание этой главы — сплошной сумбур, усугубляемый тем, что Дарлингтон, по обыкновению, часто противоречит сам себе. Например, забывая о своих взглядах, высказанных в предыдущих главах, автор готов допустить, что до начала кайнозоя соединение между южной частью Южной Америки и Австралией все же существовало. Так зачем же надо было несколько раз на протяжении книги заставлять сухопутную черепаху мейоланию (Miolania) преодолевать разделяющие их морские просторы вплавь?

С чрезвычайной легкостью разрешает автор проблемы, связанные с климатами прошлого. Так, ему известно, что в конце мелового периода на Аляске и в Гренландии появились инжир, древовидные папоротники, саговники и пальмы. Но эти растения «не обязательно являются свидетелями тропических условий» (с. 501); нахождение на дальнем севере «субтропических растительных сообществ — вполне приемлемое доказательство теплого климата... Но для более древних времен подобные доказательства становятся гораздо более сомнительными. Обширные группы растений и животных, возможно, изменили свою выносливость» (с. 502).

Дарлингтон как-будто забывает, что характер климата какой-нибудь страны определяется не только температурами (средней, максимальной и минимальной), но и отдаленностью ее **от полюса**, следовательно — распределением сезонов.

Заканчивая свой труд, целиком построенный на игнорировании данных геологии, Дарлингтон делает в ее сторону неожиданный реверанс, и в знак примирения излагает свое геологическое *credo*. «Несомненно,— соглашается он (с. 516),— земной шар изменился в деталях... Изменились очертания материков и их поверхность. **Прилежащие материки соединялись и разъединялись и вновь соединялись. Но это все второстепенные детали**». Путеводителями экскурсии Дарлингтона в прошлое служит опять-таки популярная книга Ромера и еще более популярная, но достоверная работа Кольберта (Colbert, 1945, «The dinosaur book»). Однако результаты экскурсии не изменили основной установки автора. Хотя на Мадагаскаре (с. 505) и «были зарегистрированы остатки предположительно наземных звероногих (динозавров — *И. П.*), мне автору — *И. П.*) не известна ни их природа, ни их значение», а поэтому — «нахождение ящероногих (динозавров — *И. П.*) на Мадагаскаре не доказывает полного соединения его с сушей» наоборот, «...широкое распространение этих динозавров почти доказывает, что они в какой-то мере могли расселяться через море».

Изложенный вкратце геолого-палеонтологический финал книги необычайно ярко показывает, что, и погрузившись в недра прошлого, Дарлингтон остается верным и своей основной установке и противоречивости своих высказываний, главное же — своей своеобразной «логике», столь последовательно проведенной и при анализе причин современного распределения животных на материках и островах.

В заключение, необходимо остановиться на особенностях советского издания книги Дарлингтона, вышедшего под редакцией проф. Н. А. Гладкова, в переводе М. М. Мержеевской и К. П. Филонова в 1966 г., следовательно, почти через 10 лет после появления оригинала. Как явствует из «Предисловия редактора», советское издание не является точной копией оригинала: чтобы облегчить пользование им и исправить некоторые его недостатки, редактор счел возможным произвести некоторые сокращения текста, а также изменить терминологию. На мой взгляд, ни то, ни другое не способствует повышению достоинств советского издания; американский энтомолог Филипп Дарлингтон Младший, взявший на себя смелость реформировать зоогеографию позвоночных, как я старался показать, и как ученый, и как писатель — фигура яркая и характерная, и читателю небезынтересно ознакомиться с ним, по возможности, «во весь рост», по оригиналу его работы, а не по приглаженному и подчищенному редактором переводу. Из всех изменений терминологии самое **недопустимое** — это замена наименования «Восточной» области Уоллеса и Дарлингтона гораздо более правильным, принятым у нас наименованием «Индо-Малайская область». Совершенно достаточно было бы подстрочного примечания редактора! А то ведь применительно к подписи к рис. 1 на с. 12 «Упрощенный контур с материковыми фаунистическими областями по **Уоллесу**», где обозначена **Индо-Малайская область**, такая замена особенно недопустима. В дальнейшем я покажу, к какой путанице привела эта замена в переводе, выполненном недостаточно компетентными переводчиками!

Я бы не стал также выбрасывать из советского перевода и главу 11 оригинала, которая особенно характерна для автора книги. В оригинале в ней в основном изложены взгляды автора на происхождение разумного человека (*Homo sapiens*) и на завоевание им Земли. Со свойственной ему откровенностью Дарлингтон сознается, что по этому вопросу он знакомился лишь с тремя книгами. Вероятно, среди них не было книг и статей вполне «американизированного» чеха Хрдлички (Hrdlicka, 1930 и др.), который весьма убедительно доказал, что «неандертальский человек» отнюдь не был, как думали раньше и продолжают думать Ромер, а за ним Дарлингтон, слепой ветвью, рядом с которой развивался победоносный *H. sapiens*. На территории Старого Света обнаружено много палеолитических черепов, ярко демонстрирующих переход от неандертальского человека (*H. primigenius*) сначала к *H. sapiens fossilis*, а потом и к типичному *H. sapiens*. Концовка книги носит «политический» характер, поскольку автор развертывает картину перемещения центров политической мощи, начиная от Передней Азии в Европу, причем конечными центрами являются Рим — Испания — Англия — Соединенные Штаты — Россия!

Дарлингтон заканчивает книгу рассуждением «политико-зоогеографического» характера: идея создания атомной бомбы могла возникнуть самостоятельно у ученых разных стран, но лишь в одной стране она была воплощена в жизнь. Своего рода «атомная зоогеография»!

Нельзя не отметить и недостатков самого перевода. Он не только далеко не всегда стилистически гладок и вразумителен. Главным его дефектом является то, что оба переводчика, очевидно, мало знакомы с русской зоологической номенклатурой и переводили английские и научные латинские термины, как бог на душу положит, изобретая собственные, часто весьма неблагозвучные и неправильные термины. Подобных примеров очень много — не менее 20, но я отмечу лишь главнейшие, помещая вслед за правильным названием — общепринятое. Во многих местах книги мы читаем: *бычьи* вместо *половогие* (Bovidae), *плоты* вместо *плавник*. На с. 30 — *примитивный* вместо

первичный, комплиментарный вместо *комплементарный*, от латинского слова *complementum* — дополнение, которое не следует коверкать на английский лад, что делает и редактор книги (с. 7); на с. 45 — *траутперчи* (Percopsidae) — надо либо перевести английский термин как *окунелососи*, либо лучше оставить без перевода; на с. 148 и др. *пильи* для обозначения не только настоящих южноамериканских пип (*Pipa americana*), но и африканских **когтистых лягушек** (*Xenopus* и др.). Переводчик не виноват в том, что старый удачный термин *Aglossa* (безъязычные) герпетологи заменили названием семейства *Pipidae* — но тогда надо и писать **пиповые** или **пипиды**. Далее, на с. 367 — *кротовая крыса* вместо *земляная крыса* (*Nesokia*); на с. 383 — лягушки *хилы* и род *Hyla*, надо — *квакши* (Hylidae) и род *Hyla*; на с. 417 — *полярный заяц* — *заяц-беляк*, *мускусный бык* — *овцебык*; на с. 296 — *протоунгулятес* вместо *первичнокопытные*.

Очень существенны промахи, вызванные заменой уоллесовского термина «Восточная область», — она привела, при недостатке **понимания** текста, к искажению смысла: так, на с. 391 во фразе: «вряд ли какие-либо млекопитающие Индо-Малайской области... являются действительно местными» — автор, очевидно, имел в виду не область (в понимании редактора), а подобласть. И далее, внизу «Грызуны семейства Muridae по своему распространению включают как австралийские, так и **восточные** группы». Очевидно, автор имел в виду группы **Восточной** области, и в русском переводе надо поставить **Индо-Малайской области**.

Отображая в русской транскрипции произношение английских фамилий авторов достаточно удовлетворительно, переводчики, очевидно, не зная ни немецкого, ни французского языков, коверкают произношение соответствующих фамилий: так, на с. 437 читаем *Миллот* вместо *Милло* (Millot), на с. 511 — *Джиннель* вместо *Жаннель* (Jeanpel), на с. 211 — *Мейсе* вместо *Мейзе* (Meise) и др. Но истинным шедевром перевода является фраза на с. 48, где говорится про акул, что «их мясо, **пропитанное мочой**, — еще одно приспособление к жизни в соленой воде». Так говорят о детских пеленках, но не об акулах. Действительно известно, что соки организма акул содержат **мочевину**, выравнивающую их осмотическое несоответствие с морской водой.

Конечно, большинства ляпсусов перевода можно было бы избежать при более тщательной редакции перевода, можно было отметить и ошибки самого автора. Сделанные редактором подстрочные примечания и поправки в тексте, конечно, весьма квалифицированы и уместны, но к несчастью их слишком недостаточно. Вместо того, чтобы соответствующим образом комментировать текст автора, редактор выбросил при переводе книги Дарлингтона всю одиннадцатую главу — чрезвычайно характерную для автора. Гораздо более логичным было бы вовсе не выпускать «Зоогеографию» Дарлингтона на книжный рынок! В самом деле: даже поверхностное ознакомление убеждает нас, что книга эта, крайне неряшливо написанная, **абсолютно** не пригодна в качестве учебника для студентов-биологов и географов: с одной стороны, она не дает связной, общепонятной картины распределения фаун на земном шаре по климатическим зонам и зоогеографическим областям суши, не говоря уже о том, что совершенно не касается моря и не содержит никаких сведений о распространении беспозвоночных; наконец, иллюстрирована она лишь схемами и картами; с другой стороны, при всем своем богатстве латинскими названиями животных она малоприсгодна и для использования специалистами, желающими навести справку, расширить и углубить свои знания по зоогеографии. Мы видели, что даже списки семейств различных классов позвоночных и их географического распространения — **эта наиболее ценная часть книги**, над которой Дарлингтон, видимо, потрудился немало, не свободна от грубых ошибок и часто не согласована с теоретическими главами; наконец, книга основана почти исключительно на англо-американских источниках при слабом использовании европейской литературы вообще и **полном игнорировании русской!** А в качестве книги, которая могла бы направить начинающего ученого, внушив ему здравые представления о **методе** зоогеографического исследования и обобщения, «Зоогеография» Дарлингтона не только бесполезна, но определенно **вредна** по своему ярко выраженному геологическому **обскурантизму**. Дело даже не в том, что автор анализируемой книги, подобно большинству биологов США школы Мэтью, стоит на позициях теории неизменности океанических бассейнов и материков — на этих же позициях стояли когда-то такие классики биологии, как Дарвин и Уоллес, такие геологи, как Зергель и Шухерт, а в том, что автор на каждом шагу показывает примеры легкомысленности выводов, используя в качестве доказательств факты, которые еще сами нуждаются в доказательствах, т. е. делая логическую ошибку, именуемую «*petitio principii*».

Возникает вопрос: почему у нас остались без перевода действительно **необходимые** сводки по зоогеографии, как например, классическая «*Oecologische Tiergeographie*» Хессе (Hesse, 1924), выдержавшая в Германии несколько изданий и переведенная на ряд языков, или первая по сути дела «Зоогеография моря» Свена Экмана (Ekman, 1935), и почему понадобилось переводить никому не нужную книгу Дарлингтона — ни учебник, ни справочник, в лучшем случае — полное ошибок «пособие» по географическому распространению позвоночных?

Быть может, сознавая собственные недостатки, автор высказывает весьма дельную мысль, что «в настоящее время испытывается острая необходимость в новой, дос-

товерной, подробной и тщательно разработанной региональной или фаунистической зоогеографии» (с. 356). Можно только прибавить, что такую сводку необходимо дополнять хотя бы наиболее показательными примерами распространения беспозвоночных и растений, в ней следует больше уделять внимания экологическим факторам и, конечно, данным геологии.

И. И. Пузанов

ИНФОРМАЦИЯ О ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ИМЕЮЩЕЙСЯ В МАГАЗИНЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКОВА ДУМКА»

(Киев, 29, ул. Кирова, 4)

ФАУНИСТИКА И ЭКОЛОГИЯ

- «ФАУНА УКРАИНЫ». т. 7. В. И. Тарашук. **Земноводные и пресмыкающиеся**. В. И. Тарашук. **Земноводні та плазуни**. К., Вид-во АН УРСР, 1959, 248 стр. с илл. Библиогр. 146 назв. Тираж 3000 экз. Цена 35 коп.
- т. 14, вып. 1. Е. Н. Савченко. **Комары-долгоножки**. Е. М. Савченко. **комарі-довгоноги**. К., «Наукова думка», 1966. 551 стр. с илл. Библиогр. 583 назв. Тираж 500 экз. Цена 3 р. 54 коп.
- т. 21, вып. 1. В. Г. Пучков. **Щитники**. В. Г. Пучков. **Щитники**. К., Вид-во АН УРСР, 1961. 338 стр. с илл. Библиогр. 283 назв. Тираж 3000 экз. Цена 2 р. 42 коп.
- т. 21, вып. 2. В. Г. Пучков. **Краевики**. В. Г. Пучков. **Крайовики**. К., Вид-во АН УРСР, 1962. 162 стр. с илл. Библиогр. 118 назв. Тираж 1000 экз. Цена 96 коп.
- т. 25, вып. 1. Е. М. Емчук. **Иксодовые клещи**. Е. М. Емчук. **Іксодові кліщі**. К., Вид-во АН УРСР, 1960. 164 стр. с илл. Библиогр. 42 назв. Тираж 3000 экз. Цена 1 р. 29 коп.
- т. 30. Е. И. Лукин. **Пиявки**. Е. И. Лукин. **П'явки**. К., Вид-во АН УРСР, 1962. 196 стр. с илл. Библиогр. 204 назв. Тираж 1000 экз. Цена 30 коп.

Коллектив авторов. **Материалы к изучению фауны Украины**.

Колектив авторів. **Матеріали до вивчення фауни України**. (Збірник праць Зоологічного музею № 32). К., Вид-во АН УРСР, 1963. 96 стр. с илл. Тираж 600 экз. Цена 60 коп.

Сборник содержит статьи о фауне современных и ископаемых позвоночных и беспозвоночных животных, в которых освещены результаты изучения видового состава грызунов и других мелких млекопитающих погадочным методом, помещены материалы о наружных паразитах птиц, о фауне Болгарии и об ископаемых моллюсках.

Коллектив авторов. **Животный мир западных районов Украины**.

Колектив авторів. **Тваринний світ західних районів України**. К., «Наукова думка», 1964. 84 стр. с илл. Тираж 820 экз. Цена 32 коп.

Сборник содержит статьи, освещающие вопросы паразитологии (личиночные стадии трематод и их биотопы, эндо- и эктопаразиты охотничье-промысловых птиц, распространение олигохет — промежуточных хозяев цестод), биологические особенности некоторых животных (темная полевка, рыбец, блошка березовый), основные типы строения половой системы браконидовых. Приведены материалы об ископаемой фауне.

Коллектив авторов. **Наземные позвоночные Украины**.

Колектив авторів. **Наземні хребетні України**. (Екологія, поширення, історія фауни). Республіканський міжвідомчий збірник. Серія «Проблеми зоології». К., «Наукова думка», 1965. 24 стр. с илл. Тираж 800 экз. Цена 76 коп.

Сборник содержит статьи по вопросам массовых размножений грызунов и их прогнозов, экологии сусликов, слепышей и мышевидных грызунов, распространения, экологии и хозяйственного значения охотничье-промысловых зверей (куница-белодушка, ондатра, косуля). Ряд статей посвящен современным птицам, пресмыкающимся, а также истории фауны Украины.

Коллектив авторов. **Экология и история позвоночных фауны Украины**.

Колектив авторів. **Екологія та історія хребетних фауни України**. Республіканський міжвідомчий збірник. Серія «Проблеми зоології». К., «Наукова думка», 1966. 204 стр. с илл. Тираж 600 экз. Цена 1 р. 05 коп.